
Санвлад Терехов
Я —
Волшебник.
Книга первая.

Санвлад Терехов

Я — Волшебник. Книга первая.

https://litres.ru/74793122
SelfPub; 2026

Аннотация

Действие этого цикла романов происходит на нашей планете, но в параллельной вселенной, где в какой-то исторический период, развитие цивилизации пошло по другому пути. Первая книга рассказывает о буднях, уроках, интригах, взрослении, первой любви в школе будущих волшебников. О становлении их характеров, о непростом выборе в сложных жизненных ситуациях, что скажется на их будущей работе волшебниками, но об этом уже в следующей книге.

Санвлад Терехов
Я — Волшебник.
Книга первая.

Я — Волшебник.

Книга первая.

Школа.

Описание

Действие этого цикла романов происходит на нашей планете, но в параллельной вселенной, где в какой-то исторический период, развитие цивилизации пошло по другому пути. Первая книга рассказывает о буднях, уроках, интригах, взрослении, первой любви в школе будущих волшебников. О становлении их характеров, о непростом выборе в сложных жизненных ситуациях, что скажется на их будущей работе волшебниками, но об этом уже в следующей книге.

Особенности: оригинальное представление магии, акцент на философские аспекты, развитие главного героя.

Пролог.

Кто в детстве не хотел стать волшебником? Поднимите руку. Не вижу. Вот-вот, и я тоже хотел. Укладываясь вечером в кроватку, засыпая, я представлял, что у меня в руках вол-

шебная палочка. Или волшебные спички, или золотая рыбка. А может просто взмахну рукой и исполнятся мои любые детские желания. И всегда не давал покоя один вопрос: почему сказочные герои так неразумно распоряжаются чудесами? Почему, словно слепые котята, тычутся в потёмках возможностей? Ведь можно же, истратив последнюю волшебную спичку, попросить целый коробок взамен. И так – до бесконечности.

А вам доводилось летать во сне? Если нет, то многое потеряли! Встаешь на ноги, раскидываешь руки в стороны и чувствуешь, как тело наполняется неземной легкостью. Еще мгновение, и вот, ноги медленно, словно нехотя, отрываются от земли. И чудо свершается! Ты паришь! Не как птица, взмахивая крыльями, а плавно, невесомо, повинуясь какой-то внутренней силе, набираешь высоту. Под тобой проплывают зеленые кроны деревьев, мелькают крыши домов, и ты, без малейшего усилия, воспаряешь над миром. Счастье! Вот оно, так близко!

Детские мечты… Они такие наивные, но честные. Кем мы только не хотели быть в детстве. Кто-то хотел стать космонавтом, кто-то моряком, кто-то хотел водить поезда, или может быть врачом. А я, всегда хотел стать волшебником. Я знал, я чувствовал, что смогу. Я верил, что, когда-нибудь придёт этот день и я стану, нет не фокусником, а настоящим магом.

Часть первая

Учёба.

Глава 1

Вот и сбылась мечта, выпестованная годами! После окончания начальной школы, я прибыл в тихий, словно затерянный во времени, городок Одруч, чтобы попытать счастья и поступить в Академию Магического Искусства (АМИ) – колыбель волшебства и тайн. Для поступления необходимо было выдержать череду экзаменов. Экзаменов, прямо скажем, весьма… экстравагантных. Истинный смысл их я так и не постиг.

Как вам, например, такое испытание: «Вообразите, как можно вывернуть наизнанку мячик, не прибегая к разрезам». Что ж, я мысленно сжал его до точки, до абсолютного ничто, а затем развернул наизнанку, вдохнув в него воздух уже с обратной стороны. Как они узнали мой ответ? Поистине, мне это неведомо. Возможно, чтение мыслей – лишь малая толика их безграничных возможностей.

Или вот еще: «Угадайте двузначное число, запечатлённое на перевёрнутой карточке». Угадать? Да это же один шанс из ста! Но внезапно, словно вспышка озарения, в сознании возникло число – 15. Просто высветилось перед глазами, словно неоновая вывеска. Угадал ли я? Не знаю.

И даже такое: «Силой мысли сдвиньте с места спичечный коробок, лежащий на столе». Ха-ха, как я не пыжился, чуть не лопнув от напряжения, ничего у меня не вышло.

Но, невзирая на все странности и загадки этих испытаний, по каким-то лишь им ведомым критериям, я прошел сквозь сито отбора и оказался в числе зачисленных счастливчиков.

Впереди нас ждали несколько лет усердной учебы. Обязательным условием было проживание в общежитии. В расписании значились как привычные предметы – математика, литература, история, физкультура, так и специализированные дисциплины: магия теоретическая, магия практическая, этика и… алхимия. Последняя, честно говоря, внушала трепет и благоговение. Смутно помнится торжественная церемония посвящения, когда ректор, облаченный в мантию, расшитую звездами, возложил мне на голову старинную книгу и произнес слова на неизвестном языке, от которых по коже побежали мурашки.

В классе нас было 9 человек — 6 мальчиков и 3 девочки.

Я — Элиан Вейл, для всех просто Эл. Непримечательный юноша среднего роста, немного худощавый, с копной густых волос тёмного цвета и небольшими, карими глазами.

Скромность и некоторая отстраненность были моей натурой. Я терялся в суете мелочей, забывал о них, ронял вещи и спотыкался на ровном месте, но жажда знаний, и природное любопытство, вели меня неумолимо, к познанию неизведанного. Учиться, я обожал.

Наш учитель — Альберт фон Штернберг — мужчина лет пятидесяти, но сохранивший крепкое телосложение и прямую осанку. Его высокий рост придавал ему внушительный вид, но мягкие черты лица и добрая улыбка смягчают это впечатление.

Обладал он аристократической внешностью. Лицо — продолговатое, с благородными чертами, с морщинками у глаз. Лоб высокий, прорезанный двумя глубокими складками — знак долгих размышлений. Скулы слегка выступают, придавая лицу аристократическую строгость. На подбородке — короткая аккуратная бородка, с седыми прядями по краям.

Я, навсегда запомнил наш первый вступительный урок.

Урок:

Как вы думаете, что такое волшебство? Вот представьте себе. Допустим злой колдун превращает молодую красивую девушку, к примеру, в лягушку. Как это происходит? Вы, наверно, предположите, что девушка исчезает и на её месте появляется настоящая лягушка? То есть, всё происходит физически. Её глаза, её внутреннее строение, каждая её клеточка, на микроскопическом физиологическом уровне, – это лягушка? Любая современная наука скажет, что такого не может быть. И будут правы.

На самом деле всё обстоит не так, как кажется. Всё гораздо проще, и в тоже время сложнее. Колдун воздействует на девушку на невидимом, магическом уровне. Он перестраивает ее внутреннее сознание, так что она сама начинает ощу-

щать себя лягушкой. И это ощущение передается всем вокруг. В их глазах — вместо девушки лишь зеленое, скользкое существо. Меняется не материя, а сама реальность. Лягушка ест лягушачью пищу, живет как лягушка — для всех, и прежде всего для себя. Но это, по сути, лишь иллюзия. Он работает не с "чем", а с "как". Он не создает новую лягушку из девушки, а заставляет всех, включая ее саму, видеть и чувствовать девушку как лягушку.

Колдун не превращает плоть в плоть другого существа; он переписывает реальность, вплетая в неё свою волю. Девушка-лягушка — это торжество внушения, внушения столь всеобъемлющего, что оно становится неоспоримой истиной для всех, включая саму "жертву".

Вот, например, истинный маг обладает двойным взором. Взглянет на нее как человек — увидит лягушку. Но стоит ему взглянуть как магу — и пред ним снова предстанет нежная девушка.

Волшебство не отменяет науку, а лишь дополняет её.

И, запомните главное — быть волшебником это не привилегия, а прежде всего большая ответственность.

Эти его последние слова, стали для меня законом на всю оставшеюся жизнь.

Глава 2.

Начались школьные будни. Уроки, домашние задания.

Привыкали жить в общежитии, впервые одни, без родителей. Мы знакомились, заводили друзей. Я, мальчишка, был стеснительный, поначалу, ни с кем толком не сошёлся. Но одна девочка мне сразу приглянулась. Она не сияла так ярко, как её подруги, но обладала своей, особой красотой, скорее внутренней. Короткие, цвета спелой пшеницы волосы, будто мальчишечьи, с лёгким золотистым отливом на солнце, оживляли небесно-голубые, умные глаза. Улыбка и смех её были непринуждённы и жизнерадостны, а на миловидных щёчках появлялись смешные, притягательные ямочки. От неё исходило спокойствие и искренность.

Звали её Амелия Вереск, но для нас она была просто Мелька.

Она сидела одна на скамейке, на небольшой полянке, смешно поджав под себя одну ножку. Острые коленки нескладно торчали из-под короткого летнего платьица. Волосы были слегка взъерошены, словно она только что выбежала на ветер после весёлой пробежки.

Я подошёл к ней и робко спросил:

— Я – Эл. Можно присесть?

Она по-детски пожала плечами, задержав на мне взгляд, словно оценивая:

— Садись, места много, не жалко. Я – Амелия, но можешь звать меня Мелька. – И протянула мне свою маленькую ладошку.

Я, в ответ, осторожно, с нежностью, коснулся её своей:

— Чем занимаешься, Мелька?

Девочка промолчала, подняв вверх указательный палец, давая понять, чтобы не мешал. Она неотрывно смотрела на увядший цветок, росший рядом со скамейкой, и что-то тихонько щебетала. И цветок, на глазах, начал расправляться, раскрывать свои потухшие лепестки, вновь зацветая, искрясь радостью. В моей голове прошелестело: «Спасибо, милая!». Постепенно вся поляна наполнилась распускающимися цветами, и зазвучал хор этих благодарных растений.

Я был поражён. Это было волшебство, настоящее, живое. Я, мальчишка, который боялся собственной тени, вдруг оказался свидетелем чуда, сотворённого этой необыкновенной девочкой. Её мир был полон красок и звуков, недоступных мне прежде. Я чувствовал, как меняется что-то внутри, как робкий страх сменяется восхищением и предвкушением чего-то невероятного.

— Ты… ты это сделала? — прошептал я, не в силах сдержать изумления.

Мелька обернулась, её голубые глаза сияли, а на щеках вновь появились те самые ямочки.

— А ты как думаешь? — она улыбнулась, и весь мир вокруг, казалось, засветился от её улыбки. — Цветы тоже умеют говорить, просто не все умеют слушать. Вот ты, услышал!

Потом, ещё немного полюбовавшись на зацветшую поляну, вдруг повернулась ко мне:

— Хочешь? Будем дружить!

Я это внутренне услышал, хотя губ она не размыкала. Или показалось? Я, мысленно ответил: - «Давай будем дружить с тобой!»

Мелька кивнула. Она, что залезла мне в голову, и прочитала мои мысли?

— Не бойся! Никуда я не залезала. Просто я слышу их. Особенно такие эмоциональные, — и ласково засмеялась.

Когда, я вернулся в общагу, в номере меня ждал одноклассник, который мне не понравился с самого первого взгляда. Весь из себя, самоуверенный, смотрит на всех с превосходством, явно талантлив, но для него люди лишь инструмент для своего возвеличивания.

Звали его: Виктор Бриен, меж нами – Вит.

Высокий для своего возраста, с гордой осанкой и холодным, пронзительным взглядом серо-голубых глаз. Волосы – темные, почти черные, всегда аккуратно зачесаны назад. Лицо тонкое, с резкими чертами, а губы часто складываются в снисходительную полуулыбку. Он искренне считал себя выше окружающих, и своё презрение к "обычным" людям и даже к менее одаренным сверстникам не скрывал.

Он стоял, посреди комнаты, широко расставив ноги, и надменно, свозь зубы проворчал:

— Эй, салага! Держись подальше от этой девчонки. Чтобы твоей тени не было рядом с Мелькой!

— И с чего бы это? — я изобразил крайнее удивление.

— Она моя девочка. Мы с ней встречаемся. — и дальше

этак снисходительно, — Я, тебя пока, по-хорошему прошу.

— Понятно. Я чужих девчонок не отбиваю. Не имею такой привычки.

— Ну и ладненько, — Вит с удовлетворением кивнул, собираясь уйти. Но мои следующие слова остановили его, будто он наткнулся в стену:

— Вот только она с тобой не дружит, и даже не собирается, а то, что ты там сам себе на придумывал, то это твои проблемы.

На мгновение оцепенев от такой дерзости, но быстро собравшись, он с угрозой процедил:

— Ты, что-то там вякнул? Или мне послышалось?

— Нет, тебе не послышалось. Ты всё правильно понял. Теперь я с ней дружу, — я собрал остатки смелости и, кажется, произнёс это твёрдо.

От злости он сжал кулаки, задвигал желваками на скулах:

— Ах, ты, значит, не хочешь по-хорошему! Тогда, я превращу тебя в … в … козявку!

Он уставился на меня немигающим, испепеляющим взглядом. Казалось, из его глаз выходили невидимые, но осязаемые лучи, которые пронзали меня насквозь. У меня закружилась голова, и стало появляться такое чувство, что мир вокруг меня стал увеличиваться. Или это, я стал уменьшаться. Стул, стоявший рядом, вдруг стал с меня ростом и продолжал расти. Я, пытался этому сопротивляться, но у меня ничего не получалось. Мне становилось страшно. Внезапно

давящая сила ослабла, а затем и вовсе испарилась. Посылаемые моим врагом лучи, будто упёрлись в стену, внезапно возникшую, между нами. Пелена с моих глаз спала.

Вит продолжал стоять на широко раздвинутых ногах, смотрел на меня с нескрываемым презрением и криво, нагло улыбался:

— Козявка! Ты для меня всё равно будешь козявкой. Принял помощь от девчонки… А самому слабо? Когда-нибудь, рано или поздно окажешься один. Не всё же время будешь ею прикрываться. Я подожду! Мне не стрёмно. А, ты живи, пока. И бойся!

Из его монолога, я понял, что стену эту, выстроила Мелька. «Вот зачем? Я, что просил её?» Возмущённый, я искал её повсюду. Нашёл, как обычно, на своей любимой лавочке:

— Ты, зачем это сделала? Я, бы и сам с ним справился!

— Нет! Только не обижайся! По одиночке, он нам пока не по зубам. А, вот вместе - мы сила! Пусть попробует ещё раз сунуться, мы его …!

— Всё равно, не надо было! Ты подставила меня!

С того дня наша дружба расцвела, как те цветы на полянке. Мы проводили вместе всё время. Я помогал ей заботиться о растениях, а она учила меня видеть красоту в самых простых вещах. Она показывала мне, как шепчутся деревья, как поют травы, как танцуют облака. Мир открывался для меня с новой, удивительной стороны.

Я больше не был тем стеснительным мальчишкой. Рядом

с Мелькой я становился смелее, и более открытым. Я учился у неё доброте, терпению и любви к жизни. Её тихий, но сильный голос стал для меня путеводной звездой, а её улыбка – самым ярким солнцем.

Глава 3

Общежитие оказалось лабиринтом коридоров и комнат, каждая из которых словно дышала историей. Скрипучие половицы, портреты угрюмых магов, глядящие со стен, и таинственные шорохи по ночам – все это создавало неповторимую атмосферу.

Моим соседом по комнате оказался мальчик по имени Макс Лучинский – невысокий, худощавый, с веснушками на носу и взъерошенными светло-каштановыми волосами, которые никак не удаётся пригладить. Глаза – ярко-зелёные, с хитринкой. Парень, он был весёлый, шустрый, везде поспел, но своего мнения особо не имел, и легко попадал под чужое влияние. Не вредный, добродушный, энергичный, но немного ветреный. Обожал всякие приключения, но, как и я, не любил конфликты – предпочитал оставаться в тени, лишь бы не спорить. В этом мы с ним были похожи. Он не слыл лидером, но и не тихоня – скорее, тот самый паренёк, который всегда где-то рядом, смеётся, поддакивает и норовит везде успеть. Так, что с соседом, можно сказать повезло.

Первые занятия оказались одновременно интригующи-

ми и обескураживающими. Теоретическая магия оказалась очень захватывающей наукой. Мне было интересно узнать всю эту кухню изнутри. Как всё происходит, откуда что берётся. Практическая магия, в свою очередь, требовала концентрации и неукротимой воли. Мои же робкие попытки сотворить хоть крохотное чудо, неизменно, оборачивались, либо комичным фиаско, либо полным ничто.

Но, я не сдавался. Упорство и жажда знаний вели меня вперед. Библиотека академии стала моим вторым домом. Я просиживал там часами, изучая древние манускрипты и экспериментируя с заклинаниями. Постепенно, шаг за шагом, я постигал эту науку. И верил, что терпение и труд – всё перетрут.

Вит, похоже, временно оставил попытки, отбить у меня Мельку, хотя думаю, он отложил это до первого удобного случая. А, пока он сдружился с другой девчонкой из нашего класса, самой красивой во всей Академии (кроме Мельки, конечно).

Алиса (Лиска) Баттер — воплощение изысканной красоты. Её длинные, шелковистые волосы, цвета воронова крыла, отливают синевой, а глаза — глубокие, как аметисты, — завораживают любого, кто осмелится в них заглянуть. Она из тех, кто считает, что ей по определению все должны, только за её красоту, за то, что она позволяет вам ею любоваться. В её понимании, люди (особенно мальчики) должны быть благодарны уже за то, что она позволяет им находиться рядом.

Она умна, но ленива. Зачем самой что-то делать, если можно найти того, кто сделает это за неё?

Они были, как «два сапога – пара». Оба любили делать пакости, и лучше чужими руками.

Как-то утром, перед учёбой, Лиска встретилась мне в коридоре. Она, лёгким движением руки, остановила меня и так будто невзначай поинтересовалась:

— Слушай пацан, тебя же Элом зовут?

Я, из-за спешки, лишь успел кивнуть:

— Ну да, а что? — и уже собирался продолжить свой путь, как вдруг, неизвестно зачем, взглянул на неё.

Взгляд её ярких, голубых глаз пронзил меня насквозь. Я ощутил, будто заглянул в бездонную пропасть, и продолжал падать, падать, не видя дна. Сознание же, напротив, стремительно взмывало куда-то вверх, пытаясь вырваться из тела и улететь. А в душе становилось так светло и радостно!

До меня долетели её слова, будто прозвучавшие из уст сказочной феи:

— Эл! Принеси мой портфель, я его в своей комнате забыла.

Внутри меня вспыхнуло непреодолимое желание исполнить её просьбу, словно в этом и заключался весь смысл моего существования. Я пулей сорвался с места и помчался по коридору, разыскивая её комнату. Быстро найдя нужное, я схватил портфель и, с наивной, почти собачьей радостью, будто виляя хвостиком, принёс его своей повелитель-

нице. Алиса приняла его, ласково поблагодарила и продолжила свой путь, а я остался стоять, словно изваяние, сетуя на то, что этот миг так быстро закончился.

Очнулся я от толчка Макса. С трудом приходя в себя, я недоуменно уставился на него. Он понимающе кивнул:

— Попался на крючок?

— Что это было? — медленно приходя в себя, спросил я.

— Это называется «чары обольщения». Такая у неё специализация.

Я ошарашенно смотрел на Макса, пытаясь осмыслить его слова.

— Но как? Почему я …? – вырвалось у меня.

Макс пожал плечами, на его лице играла снисходительная улыбка.

— Ты же не единственный, кого она смогла зацепить. Её дар – это не сила, это искусство. Она чувствует, когда в человеке есть определенная уязвимость, и бьет точно в нее. Ты сам этого захотел, сам открылся. И теперь она может этим пользоваться. Просто будь осторожен, Эл. Её "чары" могут быть опасны, если не знать, как им противостоять.

Я мысленно вернулся к тому моменту. Свет и радость, которые я чувствовал, были настоящими, но их причиной стала не моя воля, а чужая сила. Я был покорен, опутан. И теперь мне предстояло понять, смогу ли я вырваться из этой сладкой ловушки в следующий раз, или опять стану пленником ее очей.

Интересно, а какая у меня «специализация»? Может, я бездарь, и в этих стенах, случайный человек?

Урок:

Что такое заклинание? Это специальные слова, произнесённые на магическом языке. Этот язык невозможно выучить, как иностранный в школе. Он изначально находится у нас внутри. Надо только уметь открыть путь к нему. Каждое слово имеет огромную силу. Само слово, произнесённое вслух, может изменить реальность. Оно служит, как спусковой крючок к какому-либо магическому действию. Если маг задумал какое-либо серьёзное волшебство, то заклинание – это пароль, который открывает к нему доступ. То есть, к определённым видам волшебства, нужна более высокая степень мастерства. Ту же роль выполняют всякие магические предметы. Они могут быть самые разные. Самые известные: волшебные палочки, спички. Их много. Но простые обычные люди их не видят. Для них это обыкновенные предметы. А настоящие маги, сразу увидят их суть. А те, кто достиг величия, способны вдохнуть магию даже в самые простые, невзрачные вещи, превращая их в чудеса.

Глава 4

Одруч, был городок небольшой, поистине кукольный, с жителями такими же малочисленными и игрушечными. Стоял он на берегу небольшой, но быстрой речушки, что несла

свои воды в полноводное, безбрежное озеро.

Жители Одруча, словно сошедшие со страниц старинных сказок, жили размеренной, неторопливой жизнью. Их дома, аккуратно выстроенные из светлого дерева, напоминали расписные пряничные домики, каждый со своим уникальным узором на ставнях и наличниках. Улочки были настолько узки, что казалось, будто дома вот-вот коснутся друг друга крышами, создавая уютный, почти домашний полумрак. Воздух был наполнен ароматами свежеиспеченного хлеба, травяного чая и легким, едва уловимым запахом влажной земли от прибрежной полосы.

Учеба в Академии, шла своим чередом. Потихоньку мы знакомились, осваивались в этой новой среде. То дружба расцветала, то вспыхивали мелкие ссоры – обычная школьная жизнь, наполненная бурей эмоций. В этом мы были похожи на всех сверстников, ведь школа – это всегда бурлящий котел жизни. Однако наши детские шалости, наши проказы, имели, если можно так выразиться, особую, специфическую, неповторимую перчинку.

В тайне, где-нибудь на берегу, могли втихаря собираться, предаваясь забавам, которые порой пугали своей дикостью: превращать мелких существ друг в друга. Лягушку — в испуганного воробья, юркого муравья — в исполинского жука, или наоборот, играючи меняя их облики. Каждому вторил смех, каждый кичился новообретённым мастерством. Лишь мы с Мелькой сторонились этих детских игрищ. Я — не ве-

дал тайн преображения, а ей — противны были эти игры.

С практикой у меня, по моему мнению, дело шло из рук вон плохо. Вот, к примеру: сколько ни старался, сколько ни напрягал все силы — никак не удавалось мысленно сдвинуть шашку на шахматной доске. Ребята же — все уже делали это с легкостью! Вон Вит с Максом, уже и в «чапаева» резались на расстоянии. Некоторые превращают пешку в ферзя. А я…

Вопрос:

— Учитель! Почему у меня ничего не получается? Может, я неспособный? Почему тогда меня не отчислят?

— Элиан, не переживай так. С тобой всё в порядке. Ты просто ещё ребёнок, и тебе нужно время. Потенциал в тебе заложен огромный, нужно лишь дать ему раскрыться. Постепенно. У одних это проявляется сразу, но такие быстро сгорают, не успев набрать всей заложенной в них силы. У тебя есть то, чего нет у других. Кроме большой, пока скрытой, волшебной силы, в тебе живёт врождённое чувство справедливости и осознанная ответственность за свои поступки. Я считаю, что из тебя вырастет великий волшебник!

— Великий волшебник… — прошептал я, ещё не до конца веря в сказанное. — Но ведь… другие уже сейчас могут делать такие вещи, о которых я могу только мечтать.

— У каждого свой путь, Эл, — мягко ответил учитель, положив руку мне на плечо. — Кто-то взлетает на гребне волны, но часто эта волна недолговечна. А кто-то медленно, но, верно, идёт своей дорогой, набирая силу, подобно дереву,

что укореняется в земле. Твоё терпение, твоё стремление к справедливости — вот те корни, которые позволят тебе вырасти в могучее древо.

Он указал на шахматную доску.

— Смотри. Это не просто игра. Это тренировка ума, развитие стратегического мышления. Когда ты научишься видеть всю доску целиком, а не только отдельные фигуры, тогда и наступит нужный момент. Не торопись. Наблюдай. Учись. Ты способен на большее, чем думаешь.

Я снова посмотрел на доску, на шашки, которые казались мне такими непослушными. Но теперь в моём взгляде появилась новая надежда. Я понял, что путь к великой силе может быть долгим и тернистым, но главное — не сдаваться и верить в себя. А слова учителя стали моим компасом, указывающим верное направление.

В один из солнечных дней, мы с Мелькой лежали на песчанном берегу озера. Здесь мы проводили много времени вместе. Загорали, купались, или просто болтали, улыбались друг другу, смеялись. В этот раз всё было, как всегда. Стояла жаркая погода, но от воды дул лёгкий ветерок. Мы только что вынырнули из озера, и теперь, под лучами ласкового солнца, наши тела медленно высыхали. Вдруг, я заметил, что Мелька, с испугом вытаращив глаза, смотрит куда-то вниз моего живота. Почуяв неладное, я тоже заглянул, и обнаружил, что на мне нет плавок, и быстро прикрыл «хозяйство» рукой. Из ближайших кустов, раздался приглушённый маль-

чишеский смех. Мелька фыркнула, прикрыв ладошкой рот, но не выдержала и тоже засмеялась. Я, понял, что это пацаны, так пошутили надо мной, магически сняв с меня трусы, или скорее всего, сделав их прозрачными.

На меня вдруг напала такая злость и обида на этих проказников, и я решил их проучить. Собрав всю волю в кулак, подчинив своё сознание, я неожиданно для самого себя, … засадил те кусты крапивой. Мгновение – и вместо смеха оттуда раздались жалобные вопли. Наконец-то у меня получилось!

— Эл, что ты с ними сделал? — спросила Мелька, пораженная.

— Пусть теперь знают, как смеяться надо мной! — ответил я, чувствуя вызов и гордость. Наконец-то я смог!

Мелька, в свою очередь, не переставала хихикать, но в её глазах читалось восхищение. Она всегда знала, что во мне скрывается что-то особенное, какая-то неведомая сила, которую я сам только начинал открывать. Этот случай с плавками и крапивой стал для неё первым ощутимым доказательством моих способностей.

— Ты видел их лица? — спросила она, когда крики из кустов утихли. — Они были так шокированы! Я думаю, они больше никогда не будут так шутить.

Я, всё ещё охваченный волной адреналина и новообретённой уверенности, кивнул. Мир вдруг стал другим, полным возможностей, о которых я раньше и не подозревал. Я боль-

ше не был просто Элом, обычным парнем.

— Это только начало, Мелька, — сказал я, глядя на свои руки, которые ещё недавно обладали такой необыкновенной силой. — Я чувствую, что могу многое.

Когда, я пришёл в общагу, то сразу понял, кто мои обидчики. Это были – Барон с Максом. Покраснение и волдыри на руках, и беспрестанный зуд. Улики на лицо, так сказать.

Про Макса, моего соседа, я уже рассказывал, а Барон это - Михаэль Лихтенвальд. Он - сыночек какого-то великого мага, попал сюда по блату, а сам учиться не хочет, способности есть, но развиваться нет желания. Ленивый, избалованный, циничный, но при этом не злой. Он же элита, всё ему даром даётся.

Они, увидев меня, сразу набросились с упрёками:

— Ты, что шуток не понимаешь?

— Ведь смешно же получилось?

— Подумаешь, девчонка твою писульку увидела!

— Зачем так-то, с нами?

Злость и обида на них прошла, тем более всё затмила моя долгожданная победа. Выходило, что они, сами того не ведая, оказали мне неоценимую услугу.

— Ребята, спасибо вам! Вы мне очень помогли! — бросил я через плечо, направляясь в свою комнату, и ощутил на спине их ошарашенные взгляды.

Вопрос:

— Учитель! Скажи! Почему у меня получилось?

— Видишь ли Элиан, обида и злость очень сильные человеческие эмоции. Видно, тебя очень здорово проняло, и всё это выплеснулось в ожидаемые действие. Но эти чувства плохие советчики. Надо стремиться к тому, чтобы тобой руководили не зло и ненависть, а добро и любовь. Чтобы они тебя воспламеняли к магическим поступкам.

Глава 5

Утром, перед школой, я зашёл за Мелькой. Постучал в дверь, терпеливо ожидая, пока она приведёт себя в порядок. Вышла она со своей соседкой Вилькой. Вилька это - Виолетта Монферрат.

Виолетта - пухленькая девчушка с округлыми формами, розовыми щёчками и вечно блестящими от масла или сахара губами. Её лицо всегда оживлённое: то она жуёт, то улыбается, то что-то горячо обсуждает, широко размахивая руками. Волосы у неё каштановые, слегка вьющиеся, обычно собранные в небрежный хвостик или пучок — она редко утруждает себя сложными причёсками. Глаза большие, карие, с хитринкой, а нос слегка вздёрнут, что придаёт ей вечно заинтересованный вид.

Она всегда что-то ест, то печенье, то яблоко или кусочек сыра. Болтушка. Если не ест — говорит. И не важно, слушают её или нет. Вот и сейчас, завидев меня, она вытащила изо рта конфету, и тут же разразилась потоком речи, перескаки-

вая с погоды на то, какой оттенок шляпки идеально подошёл бы к её платью.

Я, быстро отвёл Мельку в сторону, жестами показав, что некогда, и надо что-то обсудить наедине.

Виолетта ушла, но тут же объявился Вит. Он смотрел на нас своим извечным, самодовольным взглядом, изобразив наглую, кривую полуулыбку.

— Чего, козявка? Говорят, у тебя там что-то получилось? Или врут?

Я резко обернулся в его сторону, пытаясь подойти вплотную, но Мелька держала меня за руку. Тихонько высвободившись из её хватки, я недовольно проронил:

— А, тебе какое дело? Иди куда шёл! — потом добавил, — Это ты пацанов подговорил?

Вит, вместо ответа, широко улыбнулся, а затем, уже посерьезнев:

— Раз так, то может померимся волшебной силушкой? Один на один, — и увидев мою нерешительность, — Что, струсил, козявка?

Я, хотел, уже отбросив волшебство с магией, наброситься на него с кулаками, но Мелька вновь удержала меня:

— Стой, дурак! Ты, что, не видишь, он тебя провоцирует! — и уже обращаясь к нему, — Придёт время, он померяется, а теперь ступай своей дорогой.

— Ну - ну! Я, подожду! — и, с довольной улыбкой развернувшись, вразвалочку, пошёл прочь.

Я застыл, то провожая взглядом удаляющуюся фигуру, то переводя взор на Мельку, в растерянности не зная, как дальше поступить. Выходит, снова девчонка встала на мою защиту. Мои, столь «философские», метания бесцеремонно прервала Амелия:

– Пошли уже, на урок опоздаем!

Я, словно по инерции, подхватил её портфель, и мы устремились к учебному корпусу. Всю дорогу она, налегке, словно невесомая, по-детски подпрыгивая, будто и не было ничего, щебетала что-то своё, на своем, только ей ведомом, птичьем или, быть может, цветочном языке. А я, напротив, погрузился в сумбурные, но упорные расчеты мести обидчику.

Сегодняшнее утро начиналось с теории. В отличие от практических занятий, проходивших в индивидуальном формате, теоретические лекции собирали весь класс.

Вёл занятия наш классный наставник - Альберт Штернберг. Его уроки были интересные, даже захватывающие. Учитель — воплощение мудрости и терпения. Он не повышал голос, но его тихий, бархатистый тембр заставлял учеников внимать каждому слову. Он умел объяснять сложные вещи просто, используя метафоры и яркие примеры.

И, вот, сегодня тоже:

— Как на самом деле выглядит мир вокруг нас? Можно было бы отмахнуться от этого вопроса, объявить его противоречивым. Ведь если речь идет о том, "как выглядит", то для кого он выглядит?

Устройство нашего человеческого глаза рассчитано на восприятие электромагнитных волн в ограниченном диапозоне. Поэтому мы остаемся слепы к инфракрасному и ультрафиолетовому излучению. Диапазон восприятия у животных иной: к примеру, птицы и пчелы могут видеть ультрафиолет. Более того, ультрафиолетовые лучи доступны для зрения рептилий, рыб, ракообразных и моллюсков. Однако, по сути, их видимый мир лишь немного отличается от нашего.

Но существуют и иные формы излучения: радиоволны, микроволны, инфракрасное, рентгеновское, гамма-излучение и множество других. Мы воспринимаем лишь ничтожную долю всего сущего. Полная, истинная картина мира нам недоступна. Да, существуют приборы, способные преобразовывать некоторые виды излучений. Но это лишь интерпретация, плод нашего понимания. Какого цвета, например, рентгеновские волны? Мы этого не знаем.

Но и это еще не самое главное. На самом деле, мы не видим даже наш собственный видимый диапазон таким, каков он есть. То, что мы воспринимаем, – это лишь образ, созданный нашим сознанием. Мы видим, ту картинку какую нам показывает наш мозг. А этот образ, увы, весьма далек от подлинной действительности.

Восприятие реальности — это результат «умозаключений» мозга. Он объединяет разрозненные зрительные сигналы и, опираясь на прошлый опыт, создаёт правдоподобную картину. Мозгу не нужна «истинная» картина мира. Он

невероятно экономен, и формирует лишь предположения о происходящем. Поэтому человек обречён видеть не мир как таковой, а его удобную версию, дополняя недостающие детали. Без этого система просто перестанет работать. Увидеть настоящую реальность невозможно. Наш мозг нам этого просто «не показывает»? Ну, например, какие-то энергетические сущности, которые живут вокруг нас, которые мы называем призраками, и принимаем за души умерших людей.

Подумайте сами – человек способен воспринимать только самую мизерную часть всего существующего. Но у некоторых людей, всё-таки есть способность увидеть то, что другим недоступно, и даже влиять на создаваемую картинку у других людей …

Один из учеников поднял руку, чтобы задать вопрос. Это был Эд.

Эдвин Лоренц - пухленький мальчик с почти розовой кожей, тонкие черты лица, аккуратно подстриженные непонятного цвета волосы и большие круглые очки в тонкой металлической оправе, которые он то и дело поправляет, когда нервничает. Эд — типичный «знайка»: любознательный, дотошный и помешанный на правилах. Он искренне верит, что любая проблема решается с помощью книги, а магия — это в первую очередь точная наука, где нет места импровизации. Читает везде и всегда. Даже за завтраком он листает книгу, а если забывает её взять — бормочет про себя формулы или правила. Его любимая фраза: «Это не по правилам!»

Учитель, заметив в классе поднятую руку, кивнул. Эд, заметно волнуясь, поправил очки и произнес, его голос дрожал от напряжения:

— Учитель! У меня вопрос. Вы сказали, что призраки — это энергетические сущности, живущие вокруг нас. Это действительно так?

— Присаживайся, Эдвин, — учитель жестом указал на парту. — Об этом мы подробно поговорим на отдельном уроке. Но, если в двух словах, то каждый из нас, проживая жизнь, излучает в окружающее пространство мириады электромагнитных волн. Эти волны, однажды выпущенные, теоретически существуют вечно. И нет ничего невозможного в том, что некая сила может их отсортировать и собрать в единую сущность. Хотя это, конечно, совсем не то, что люди обычно вкладывают в понятие «призрак».

Глава 6

Постепенно, с каждой изученной страницей, с каждой освоенной техникой, мой внутренний мир начал преображаться. Слова, некогда казавшиеся пустым звуком, обретали смысл, форму, наполнялись неведомой, до того, энергией. Я учился чувствовать потоки силы, пронизывающие всё сущее, ощущать пульс магии в каждом движении, в каждой клеточки тела, в каждом ударе сердца. Это было похоже на пробуждение, на обретение нового зрения, дозволяющего

видеть мир во всей его многогранности и глубине.

Первые, пусть и скромные, успехи не заставили себя ждать. Произошедшее, тогда на берегу, было подобно солнцу, взошедшему над моим внутренним горизонтом. Затем – легкое перемещение мелких предметов, почти незаметное, но такое значимое для меня. Каждый такой шаг, каждый отклик мира на мои старания, наполнял меня ликованием и укреплял веру в свои силы. Ощущение того, что я могу влиять на реальность, пусть и самым незначительным образом, было опьяняющим.

Однако, чем глубже я погружался в тайны волшебства, тем больше понимал, насколько не познан океан этого искусства. Я осознавал, что мое нынешнее положение – лишь песчинка на берегу безбрежного моря, и истинное мастерство требует не только обучения, но и глубокого самопознания.

В тот день, на индивидуальном практическом занятии, меня неожиданно осенило.

— Учитель! — внезапно вырвалось у меня. — Я хотел бы узнать… Я тогда, на вступительном, угадал число на перевёрнутой карточке?

Маг, странно как-то на меня посмотрел:

— Почему тебя это вдруг заинтересовало?

— Да так … Просто любопытно. И вообще, кто-нибудь смог? Или это тайна? — я пожал плечами, будто говоря о пустяке.

— Тайны здесь нет. Однако, угадать его – задача практи-

чески невыполнимая. Один шанс из ста, — наставник развёл руками. — Можно, конечно, попытаться проникнуть в мысли загадавшего, но на экзамене даже учитель не знал того числа, его писал совершенно другой человек.

— Тогда зачем всё это?

Учитель замер на мгновение, словно взвешивая, стоит ли продолжать, но затем решился.

— Ты назвал правильное число, Эл! — его голос зазвучал с неподдельным волнением. — Что ты ощутил перед тем, как назвать цифру?

Я опешил от такого оборота. С трудом подбирая слова, я промямлил:

— Ну… Это… Вспышка перед глазами… Оно словно высветилось … Сам толком не понял, что произошло.

— Тебе нужно вспомнить то состояние. Что этому предшествовало? Понимаешь ли, Эл, ты не угадал это число. Ты, его увидел. Увидел!!! Это могут немногие. У тебя есть этот талант, и его нужно развивать.

Я растерянно смотрел на мага, пытаясь осмыслить его слова. "Увидел? Скрытый талант?" Все мои предшествующие размышления о возможном везении рассыпались в прах. Я всегда считал себя обычным, не особо одаренным мальчиком, а теперь мне говорили о каком-то "скрытом таланте".

— Но… как? — выдавил я. — Я просто… почувствовал. Как будто что-то подсказало мне.

— Именно, — кивнул учитель, его глаза светились пони-

манием. — Это и есть начало. Эта "подсказка", это ощущение – это зарождающийся редкий дар, который ты, возможно, даже не осознавал. Магия проявляется по-разному, мой юный друг, и не всегда кричит о себе.

Он подошёл ближе, его присутствие излучало спокойствие и мудрость. "Самое главное сейчас, Эл, — это не упустить этот момент. Не дать ему затеряться в суете и сомнениях. Тебе нужно научиться слышать эту тихую подсказку, различать её среди постороннего шума."

Я, возвращался с урока, погружённый в размышления. Значит, во мне дремлет дар видеть незримое? Это - моя «специализация»? Остановившись у стены в школьном коридоре, я решил испытать её. Я, впился взглядом в кирпичную кладку в надежде увидеть, что за ней, пытаясь поймать то самое, невесомое ощущение, что помогло мне тогда угадать число. Но тщетно. Напряжение достигло предела, казалось, из висков вот-вот повалит дым. Скорее я выжгу дыру взглядом, чем загляну за преграду.

Из этого забытья меня вырвал резкий толчок в плечо. Обернувшись, я увидел лукаво улыбающегося Макса.

— Эй, ты там что, клад нашёл? Я уж подумал, тебя в столб превратили, — он рассмеялся, вновь дружески хлопнув меня по плечу, — Хватит тут киснуть. Пошли на озеро, купаться! Все ребята уже там!

"Клад нашёл?" - эта фраза, сказанная им с такой легкостью, заставила меня улыбнуться. Действительно, какой клад

я искал в этой стене? Возможно, всего лишь подтверждение того, что я не схожу с ума.

Я кивнул Максу, чувствуя, как напряжение последних минут рассеивается. "Иду", - сказал я, и в моем голосе уже не было той отрешенности, что сковывала меня мгновение назад. Кирпичная стена, казавшаяся такой непроницаемой, теперь превратилась просто в часть школьного коридора, не имеющую никакого значения.

Мы пошли по коридору, Макс оживленно рассказывал про очередную шутку, которую они с ребятами приготовили, а я, слушая его, ощущал, как возвращаюсь в реальность. Возможно, моя "специализация" и проявляется в чем-то необычном, но сейчас мне захотелось просто быть обычным подростком, наслаждающимся летним днем.

Озеро встретило нас звонкими голосами и плеском воды. День был солнечным и жарким. Водная гладь, так и манила своей прохладой. Все ребята резвились в воде. Оттуда доносились мальчишеский смех, и девчачьи визги. Макс, быстро скинул одежду и рванул к озеру. Я, тоже решил последовать его примеру, но передо мной, неожиданно возник Вит. Он только что искупался и выходил на берег. Его мокрые, длинные, чёрные волосы, обычно прилизанные назад, теперь, влажные и непослушные, свисали мокрыми прядями, как веревки. Он стоял на моём пути, и криво улыбаясь, смотрел на меня. Не смотря на улыбку, в его взгляде сквозила злоба.

— И, ты здесь, козявка? — и, оценивающе, осмотрев меня с ног до головы, натужено смеясь, проскрипел — Сегодня то, хоть, в трусах пришёл купаться?

Рядом стоявшие ребята, подхватили его смех. Ему вторила подошедшая Лиска:

— Может всем покажешь, что ты там прячешь? А, то так нечестно, одна Мелька только видела твоё сокровище! Ха-ха-ха!

Раздался новый взрыв хохота. Мне стало вдвойне обидно. Я, уставился на Вита, пытаясь собрать в кулак всю свою внутреннюю магическую энергию, ещё не представляя, что я с ним сейчас сделаю.

— Лучше не начинай! А, то, я Мельке обещал тебя не трогать. Вдруг слово не сдержу, и найдёт она вместо тебя козявку, — продолжая смеяться, прогнусавил Вит.

С этими словами внутри, меня словно пронзила стрела. Вся моя магия тут же иссякла. Душа начала проваливаться куда-то в пятки. Мне стало больно и страшно. Я, обогнул его, и с разбегу плюхнулся в воду, уйдя в неё с головой. Я долго плыл не выныривая, словно рыба, и меня мучила одна мысль — «Я, испугался! Я — трус!».

Подводный мир, обычно наполняющий меня спокойствием, теперь казался чужим и враждебным. Вода, прежде ласковая, теперь давила, словно пыталась утопить мои страхи вместе со мной. Я видел, как над головой мелькают солнечные блики, как, дробясь, они проникают сквозь толщу во-

ды, но не мог найти в себе сил подняться. Хотелось остаться здесь, в этой темноте, где никто не увидит моего унижения, где никто не сможет указать на мою слабость.

Но время, неумолимо, тянуло меня вверх. Легкие горели, требуя воздуха. С рывком я вынырнул, вдыхая полной грудью, и тут же увидел его. Вит стоял на берегу, все еще криво улыбаясь, и ребята вокруг него все еще смеялись. Мой взгляд встретился с его, и я увидел в нем не просто злобу, а какое-то торжество. Он добился своего. Он сломил меня.

Обида жгла, но теперь к ней примешался новый, более сильный враг – стыд. Стыд за свою слабость, за то, что позволил ему так легко победить. Я чувствовал, как все взгляды направлены на меня, как будто все видят мою внутреннюю ничтожность. Я больше не мог оставаться здесь, на виду у всех, казалось, что каждый смешок был направлен в мою сторону. Не поднимая глаз, я побрел к берегу, пытаясь как можно быстрее скрыться.

Внутри меня боролись два чувства. Одно, слабое и дрожащее, шептало: «Ты трус. Ты никогда не сможешь дать сдачи». Другое, еле слышное, но упрямое, отвечало: «Ты испугался. Но страх – это не конец. Это только начало. Придёт и моё время!». Эта мысль, как искра, зажглась в темноте моего отчаяния. Я еще не знал, что и как я сделаю, но я знал, что это будет нечто, что позволит мне больше никогда не чувствовать себя такой козявкой.

Мои раздумья прервал Макс. Он подошёл ко мне, протя-

нул руку, и сказал:

— Эл, извини, за ту шутку с трусами, — и посмотрел мне прямо в глаза, — И, знай, если, что, я с тобой!

Я, в ответ, пожал его руку:

— Спасибо!

Вопрос:

— Учитель! Скажи, почему на свете существуют злые волшебники?

— Элиан, помни: волшебники бывают лишь добрыми, а те, кого ты зовёшь злыми, — это колдуны. Но дело вовсе не в них. С тех пор, как существует наша Земля, с ней неразрывно связаны добро и зло, и вечно идёт между ними битва. Порой зло, кажется, одерживает верх, но лишь на мгновение. Ибо в финале всегда торжествует добро. Потому что его оплот — правда и справедливость. В этом его несокрушимая мощь! Запомни это, мой юный ученик.

Когда ты станешь истинным волшебником, тебе не раз придётся столкнуться с тьмой. Знай же - ты не одинок. За тобой стоят твои друзья. А зло, напротив, всегда пребывает в одиночестве, движимое лишь своим эгоизмом. Даже когда его собирается множество, каждый из них остаётся сам по себе. Но у добра иной девиз: «Один за всех, и все за одного!»

— Учитель! Разве зло не может быть сильнее?

— Сила зла — лишь внешний блеск, обманчивая мишура. Оно питается страхом, невежеством и слабостью. Люди, поддавшиеся тьме, зачастую ищут лёгких путей. Колдуны чер-

пают свою силу из хаоса и разрушения, сея рознь и отчаяние. Это подобно пожару, который быстро распространяется, но, не имея под собой прочного основания, неизбежно гаснет, оставляя после себя лишь пепел.

Добро же, напротив, основывается на вечных истинах. Оно проявляется в созидании, в любви, в стремлении к знаниям и гармонии. Его сила — в единстве, в поддержке друг друга. Когда волшебник творит добро, он не только помогает другим, но и сам становится сильнее. Помни, что любой акт добра, даже самый незначительный, подобен семени, которое, упав на благодатную почву, обязательно прорастёт и принесёт свои плоды. В самые тёмные времена твоя вера в добро, твоя готовность защищать правду и справедливость станут твоим главным оружием. Твои деяния, твоя вера, твоя любовь — вот что сделает тебя по-настоящему сильным. И зло, как бы оно ни старалось, никогда не сможет одолеть истинное добро.

Глава 7

В нашем классе учился ещё один мальчик. Скажем так – необычный. Мы, конечно, все здесь собрались нестандартные, но этот выбивался даже из нашей колеи.

Томас (Том) Вейнгарт - молчаливый, нелюдимый, сам по себе. Худощавый пацан, с бледной, почти прозрачной кожей. Волосы тёмные, слегка вьющиеся. Глаза тёмно-голубые, хо-

лодные и отстранённые, смотрят сквозь людей, словно он видит что-то за их спинами. У всех появляется желание обернуться и посмотреть, что он там увидел. Тихий, замкнутый, почти не разговаривает без крайней необходимости.

На уроках сидит в самом углу, будто старается слиться с тенью. Не участвует в общих играх, не ходит на школьные праздники, не вступает в разговоры. Но при этом его нельзя назвать слабым или беззащитным — в его молчании есть что-то опасное. Сам не лезет в драки, но, если его задеть — отвечает так, что обидчик потом неделю ходит с синяками под глазами, и никто не знает, как они появляются. Говорят, что однажды старшеклассник попытался его запугать, а на следующий день у того волосы позеленели и не отмывались две недели.

Никто точно не знает, чем он занимается в свободное время. Его часто видят в запретной секции библиотеки, где хранятся книги по тёмной магии (но как он туда попадает — тайна). Единственный, кто иногда с ним общается — девочка из старшего класса, которая приносит ему старые книги, но и она боится его взгляда.

Он что-то ищет. Что именно — неизвестно. Но, создаётся ощущение что, если однажды он перестанет быть просто "странным мальчиком", всем станет по-настоящему страшно. Том — загадка, вокруг которой плетутся слухи, но никто не решается докопаться до правды. А, может, правды и нет.

В тот день, мы с Мелькой уединились на нашей заветной

скамейке, той самой, что хранила начало нашей дружбы, на поляне, залитой ласковым весенним солнцем. Мелька, подобно доброй феи, протянула вперёд раскрытую ладонь. И слетающиеся пташки, доверчиво садились на её тёплую руку. Заглядывали в её бездонные глаза, щебетали ей свои тайны, а она, чуткая душа, отвечала им тихим, мелодичным голосом, и счастливые, они взмывали ввысь, уносясь в безбрежную синеву.

В который раз я убеждался: Мелька – это ангел, земное воплощение добра. Она сама – источник света, источаемый лучами, которыми питается окружающий мир, преображаясь и радуясь.

Вдруг, подобно грозовой туче, рассекающей ясное небо, идиллия была нарушена. Птичий гомон умолк, словно сама жизнь замерла; даже яркие краски цветов поблекли. Прямо через поляну, не обращая ни на кого внимания, как будто он один на всём свете, прошёл Том. Он двигался, одержимый своей целью, целеустремлённый, как стрела. И так же внезапно, как появился, он растворился в густых прибрежных зарослях.

Вит, тайком язвя, подшучивал, что Том в этих кустах творит «непотребные мальчишеские дела». Ребята перебрасывались усмешками. Девчонки же, тараща глаза, пренебрежительно поджимали губы, изрекая: — «Фу-у»! Сам же я в эти россказни почти не верил, а Тома наши пересуды оставляли совершенно равнодушным.

Мелька, тем временем, протянула руку. Птичка, как верная подруга, вновь присела на её ладонь, и девочка что-то прошептала ей на ушко. Пташка, быстренько взмахнула крылышками, взмыла в воздух и стремительно полетела следом за ним. Через некоторое время она вернулась, приземлившись на её плечо. Её клюв коснулся её уха, и пташка пропела ей что-то, что заставило Мельку странно, загадочно взглянуть на меня.

— Он ушёл к «Старому Мосту», — прошептала она, и её голос, обычно певучий, звучал теперь приглушённо, — Птица видела. Что-то тут не так.

Мелька жестом показала мне следовать за ней. Без лишних слов, без вопросов, она направилась к лесной тропинке, ведущей к реке. Я, подчиняясь неведомой силе, пошёл за ней, оставляя позади залитую солнцем поляну, которая теперь казалась уже не такой безмятежной.

«Старый мост» – так называли развалины древнего моста через нашу речушку. От него остались лишь наполовину обломанные вертикальные опоры. Никто не помнит, когда и почему он развалился. Но, само это место в городке считалось проклятым. Здесь, не смотря на мелководность реки, часто тонули люди, то бесследно пропадал скот.

Приближаясь к мосту, мы услышали приглушённый шум воды. Том стоял в середине ветхого деревянного сооружения, на одной из оставшихся опор, спиной к нам. Видно, было, как он готовится к прыжку. Нам стало страшно. Хотелось

крикнуть, остановить его, но Мелька схватила меня за руку, и приложив палец к губам, показала, чтобы я молчал. И, тут Том прыгнул. Потом ещё, и ещё, и так перепрыгивая с одной опоры на другую, он перебрался на тот берег.

— Неужели левитация? Он что, умеет летать? — вырвалось у меня первое, что пришло на ум.

— Может, и умеет. Даже скорее всего умеет, но это не магия. Я бы почувствовала. «Он прыгал по-настоящему», — прошептала Мелька, её голос звучал едва слышно.

— Но, зачем? — искренне удивился я.

— А, вот это, уже интересно! Но, мальчик, он смелый! Даже чересчур! Только странный! — с каким-то, я бы сказал восхищением, отозвалась она.

— И, опасный! — добавил я, вдумываясь в странное происшествие.

Мы еще долго стояли, глядя на Тома, который теперь стоял на другом берегу, как ни в чем не бывало. В нем не было ни намека на усталость или замешательство. Словно он совершил обыденное действие, а не трюк, бросающий вызов гравитации.

Мелька, наконец, отпустила мою руку, но ее взгляд все еще был прикован к Тому. В глазах ее читалось смешанное чувство изумления, опасения и, как мне показалось, тлеющего любопытства. Что за мальчик этот Том? Откуда он взялся? И что за тайны скрываются за его молчаливой натурой и столь неординарными способностями?

— Нам пора идти, пока он нас не заметил, — решительно сказала Мелька, сбрасывая с себя оцепенение. Она не смотрела на меня, но я знал, что она обращается ко мне. В ее голосе, несмотря на решительность, слышалась нотка неуверенности.

Вопрос:

— Учитель, разве могут разговаривать растения? Ведь у них нет ни рта, ни языка, но некоторые слышат их.

— Ну, конечно же растения не разговаривают, в нашем понимании этого термина. Они в зависимости от своего состояния, испускают разные волны, и уже наш мозг, мозг волшебника преобразует их в понятную нам картинку. В данном случае – в слова.

Подумайте о природе реальности. Мы воспринимаем мир через призму наших органов чувств и преобразуем его нашим разумом.

Вот взять, например, цвет. На самом деле Вселенная – чёрно-белая. Материя обладает массой, плотностью, составом, структурой – всем, чем угодно, но только не цветом. Он, лишь порождение наших глаз и мозга, которые зачем-то, решили наделить нас способностью видеть мир красочным. Вкус, запах, цвет и так далее находятся только в нашем сознании. Поэтому, если все живые существа были бы удалены, то и все эти качества тоже бы исчезли.

Это же касается и растений, и птиц, и животных. Только, в данном случае, мозг оперирует не цветом, а звуком.

Растения, в своей безмолвной мудрости, общаются посредством тончайших химических сигналов. Они испускают в воздух летучие органические соединения, запахи, которые несут в себе информацию о своем состоянии: о голоде, о страхе перед хищником, о готовности к опылению. И, когда, эти невидимые послания достигают чутких нервных окончаний некоторых людей, то они чувствуют эти эмоции. Этот дар дремлет внутри каждого из нас, ожидая лишь момента, чтобы проявить себя. Как раз этим, мы и занимаемся в нашей академии.

Глава 8

Как-то мы с Мелькой сидели на берегу озера. Мы всегда уходили подальше, туда, где не было людей, где царила тишина, нарушаемая лишь ласковым плеском волн и пронзительными криками мелькающих чаек. Она слушала эту природную симфонию, подвластную, казалось, лишь ей одной, а я в это время магически бросал камешки в воду, завороженно следя за бриллиантовыми брызгами и бесконечно расходящимися кругами. До сих пор мне верилось с трудом, что у меня стало получаться это самое «перемещение предметов».

Мелька, не отрывая взгляда от горизонта, вдруг тихо спросила: «А что, если круги не расходятся, а собираются?». Я замер, и очередной камешек повис в воздухе. Её слова повисли рядом с ним, странные и невесомые, как паутина. Я

посмотрел на воду и попытался представить — идеальные окружности, стягивающиеся к единому центру, к точке броска. Мир на мгновение перевернулся.

Мелька повернулась ко мне. Её глаза, обычно ясные и смеющиеся, теперь были серьёзны и глубоки. «Ты думаешь о силе, — сказала она. — А я думаю о следе. О том, что остаётся после». Она провела ладонью по влажному песку, оставив чёткий отпечаток, который тут же начал расплываться. Мои круги на воде были таким же отпечатком, лишь чуть более стойким.

Я отпустил камень, и он сам, без броска, мягко нырнул в воду с тихим «плюх». Мы оба вздрогнули. Это вышло непроизвольно. На поверхности снова заплясали блики, но теперь они складывались в причудливый узор, будто отвечая на её невысказанную мысль.

Продолжая смотреть на возникшую мелкую рябь, я вдруг спросил:

— Мелька, а откуда ты приехала? Кто твои родители?

Девочка надолго замолчала. Я уже перестал ждать ответа. Мысленно стал подбирать камешки на берегу, складывая из них пирамидку. В последнее время у меня многое получалось, и я при каждом удобном случае тренировался. Надо было закреплять навыки, прочувствовать их изнутри, довести до автоматизма. Да, именно так. Магия — это не столько физическое изменение, сколько манипуляция восприятием, сознанием.

Вдруг Мелька тихо проронила:

— Моя мать — ведьма!

Я аж поперхнулся, и моя выстроенная пирамидка разлетелась в разные стороны.

— Лесная ведьма. Я родилась в лесу, и всё моё детство прошло там же, среди цветов, деревьев и зверей, — так же тихо продолжила она.

— Прямо настоящая ведьма? — удивился я, не зная, как воспринять эту неожиданную новость.

— Да! Это люди так нас называют. На самом деле, она лекарь. Лечит травами и заклинаниями. Все мои предки по материнской линии были ими.

— А кто твой отец?

— У нас никогда не было отцов. Ни у мамы, ни у бабушки, ни у других… Мама меня просто вообразила …, придумала — … и родила. Это называется непорочное зачатие, — и добавила: — Мы всё время жили одни.

— Разве такое бывает? — не веря своим ушам, спросил я.

— А вот вырасту — и сама проверю, — как о чём-то обыденном, выпалила Мелька.

Я уставился на Мельку, пытаясь осмыслить её слова. Лесная ведьма, непорочное зачатие… Это звучало как сказка из старой книги, которую бабушка читала мне перед сном. Но в глазах девочки не было ни тени лжи — только тихая уверенность, словно она говорила о погоде или о полёте птиц.

— А зачем ты здесь? В академии? — спросил я, подбирая

новый камешек. Пирамидка заново начала расти под моими пальцами, но теперь мысли путались, магия казалась далёкой и ненужной.

Мелька пожала плечами, глядя на реку. Вода искрилась под солнцем, и лёгкий ветерок шевелил её волосы.

— Мама сказала, что пора учиться миру за лесом. Что я должна увидеть людей, города, почувствовать их магию — другую, не нашу. Она дала мне амулет, — Мелька полезла за пазуху и вытащила маленький кулон на шнурке: тёмный камень с выгравированным цветком. — Он защищает. А ещё учит слушать ветер и зверей.

Я осторожно потянулся, коснулся амулета. Он был тёплым, будто живым, и на миг мне показалось, что я услышал шёпот листьев. Магия восприятия… Может, и правда, всё дело в сознании?

— А ты веришь в свою магию? — вдруг спросила она, поворачиваясь ко мне. Её глаза блестели, как озёра в лесу.

— Верю. Только учусь. Хочу стать таким же сильным, как… ну, как твоя мама, наверное.

Мелька улыбнулась впервые за весь разговор — озорно, по-ведьмински.

— Тогда давай учиться вместе. Я покажу тебе лесные секреты, а ты — свои камешки и … крапиву. По рукам? – и улыбаясь протянула свою ладошку.

Я, легонько пожал её, и тоже улыбнулся в ответ. Какое-то время мы просто сидели, наши взгляды сливались с бескрай-

ностью моря, а тихие волны, словно лаская, лизали песок у самых наших ног. Наши плечи почти соприкасались, и я ощущал исходящее от неё тепло.

Машинально — подняв очередной камешек, положил его на ладошку и протянул её в сторону девочки:

— Давай сразу и займёмся. Вот попробуй приподнять его мысленно.

Мелька, мгновенно посерьезнев, смешно выпучила глаза и с такой сосредоточенностью уставилась на камень, будто, пыталась пробуравить его взглядом. Я уже подумал, что от напряжения она сама вот-вот взлетит вверх, а не камешек. Внезапно мне стало нестерпимо горячо, словно на моей ладони вместо камня лежал кусок раскаленного добела металла. Я молниеносно отдёрнул руку и вскрикнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.